

УДК 82.0  
DOI 10.17223/18137083/64/13

**Ю. Л. Троицкий**

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва*

**Нарративные экспликации социокультурных угроз  
в эго-документах (от мотива к семантическому полю) \***

Статья посвящена нарративному анализу личного дневника Александра Бенуа, известного русского художника и интеллектуала Серебряного века. Проблема, которая является предметом анализа, состоит в определении нарративных маркеров социокультурных угроз, которые переживала Россия в 1917 г. В ходе анализа выделены три семантических поля: «предощущение угрозы», «проживание угрозы» и «post-угроза (рефлексия и уроки)». Каждое из полей включает в себя общие ментальные, дискурсивные и поведенческие реакции социальной группы на те или иные события и состоит из таких структурных семантических единиц, как мотив. Редукция дневникового текста к мотивам позволяет обнаружить глубинные мифологические основания и тем самым ввести наблюдения и реакции непосредственного свидетеля в корпус мифа и архетипических образов. Однако оказалось, что свести дневниковую запись к тому или иному мотиву невозможно без опосредующего звена, которое мы обозначили как протомотив, сгущающий несколько разновременных дневниковых заметок до краткой нарративной записи.

*Ключевые слова:* эго-документ, мотив, протомотив, семантическое поле, социокультурная угроза, адаптивные механизмы.

В ходе работы над темой социокультурных угроз в исторической ретроспективе в качестве одного из наиболее репрезентативных примеров концептуализации и нарративного оформления угрожающих событий 1917 г. был выбран личный дневник известного художника Александра Бенуа.

Выбор этого источника неслучаен: острый взгляд художника, усиленный осознанной позицией максимальной неангажированности, позволил превратить личный дневник в релевантную летопись революционных событий.

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-30029).

*Троицкий Юрий Львович* – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия; troitski@gmail.com)

Две революции на фоне продолжающейся войны коренным образом изменили быт и жизнь петроградской художественной интеллигенции и неизбежно отразились на страницах личных дневников, среди которых дневник Бенуа занимает особое место. Это объемный нарратив, созданный автором синхронно происходящим событиям с позиции «причастной внаходимости» [Бахтин, 2000, с. 745].

Гипотеза исследования заключалась в том, чтобы представить катастрофические события 1917 г. в восприятии современников как возможные социокультурные угрозы. Эти угрозы были структурированы в три семантических поля: «ожидание (предошущение) угрозы», «проживание угрозы», «post-угроза (рефлексия и уроки)». Содержанием семантических полей стали частотные мотивы, характерные для каждого семантического поля.

*Мотив* как категория фольклорных и художественных текстов имеет в литературоведении давнюю историю. Теория мотива разрабатывалась в трудах В. Я. Проппа [1928], А. Н. Веселовского [1940], О. М. Фрейденберг [1997] и др. Сегодня, по мнению И. В. Силантьева, «мотив как феномен поэтики повествования все чаще становится объектом специальных научных исследований» [Силантьев, 2004, с. 9].

Существует множество различных филологических и культурологических подходов к определению мотива. Говорят о повествовательных, психологических, образно-символических и прочих мотивах.

Далее пойдет речь исключительно о мотивах в первом значении. Мы будем пользоваться следующим рабочим определением: мотивы – это повествовательные элементы, устойчиво воспроизводящиеся в различных фольклорных и/или литературных произведениях, а также – в прочих нарративных текстах. Соединяясь, мотивы могут образовывать типовой сюжет («ген сюжета», как назвал символ и мотив Ю. М. Лотман [2000, с. 220]).

Иногда мотив определяется не просто как сюжетный элемент, но как *тема* того или иного сегмента повествования [Томашевский, 1931, с. 136–137]. Подобная трактовка особенно актуальна применительно к документальным нарративам.

Дело в том, что статус мотива в художественном и документальном текстах существенно различается. На наш взгляд, в эго-документе доминанта фигуративного дискурса уступает место доминанте информативного, что создает сложный ансамбль полидискурсивности. В этом миксе описания, эмоциональной прагматики и аналитических суждений эстетическая линия остается, но не доминирует. Следовательно, роль мотива в эго-документе понижается: от сюжетообразующей функции мотива остается тема.

«С точки зрения фабулы, – считает И. В. Силантьев, – природа мотива дуальна как единство *инвариантного* и *вариантного* начала (курсив наш. – Ю. Т.). В своем инварианте мотив как таковой принадлежит языку повествовательной традиции; в своих вариантах – героям и событиям конкретных фабул этой традиции» [Силантьев, 2004, с. 96]. Благодаря такому двуединству мотива удастся редуцировать многообразие эмпирических коллизий к достаточно ограниченному числу обобщающих формул, обеспечивая тем самым рецептивное понимание текста эго-документа.

Однако мотив в документальном повествовании, сокращаясь иногда до *темы*, не вполне теряет свою сюжетообразующую функцию, которая опирается на некоторые структурные свойства этого феномена.

Итоговое «системное» определение мотива, которое дает исследователь: «...это а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия

с актантами и пространственно-временными признаками» [Силантьев, 2004, с. 96].

Из четырех мотивных свойств, названных И. В. Силантьевым, по меньшей мере три сохраняются и в мотивике документального повествования: интертекстуальность мотива, его амбивалентность, проявляющаяся в двуединстве типологической общности (родовой или жанровой) и вариативности ее экспликаций, а также предикативное разворачивание «начала действия с актантами» и хронотопическими признаками.

Благодаря этому мы можем проводить содержательные сопоставления мотивики фольклорных, литературных и документальных дискурсов, обнаруживая тем самым их архетипическое единство.

Другим базовым понятием предлагаемого анализа стало понятие «семантическое поле». Его можно определить «как языковую и текстовую категорию, выделяемую на основе каких-либо общих семантических признаков» [Бревнова, 2010, с. 82]. Мы использовали это понятие в расширительном смысле – как единство феноменов, имеющих существенный общий семантический признак. Например, семантическое поле «предошущение угрозы» включает в себя ментальные, дискурсивные и поведенческие проявления определенной социальной группы, объединенные ожиданием беды, страхом и тревогой. Другими словами, основанием для выделения семантического поля стала общая тематическая рамка.

Методика выявления мотивов в тексте дневника А. Бенуа состояла из нескольких этапов: сначала производилась тематическая «нарезка» семантических полей, затем в каждом поле выделялись текстовые фрагменты, фиксирующие феноменологические проявления *темы* поля. После чего близкие по значению фрагменты объединялись в промежуточное звено, названное *протомотивом*, представляющее собой смысловой инвариант совпадающих по значению фрагментов и выраженный, как правило, словами автора дневника. Наконец, «сгущенный» тематизм протомотива трансформировался в собственно мотивную, предельно обобщенную формулу.

Покажем это на примере двух семантических полей.

### Семантическое поле «предошущение угрозы»

Суббота, 8/21 октября 1916 г.

Рауш за последнее время лепит в мастерской каких-то знакомых Распутина. Приглашал меня побывать там же – поглядеть (во время сеансов) на жуткого чудотворца. Но я этого побаиваюсь. Я даже издали чую в Распутине подлинное демоническое начало. Чур! Чур! [Бенуа, 2006, с. 16]

Среда, 16/29 ноября

Обедаем у Горчаковых с «молодым» Феликсом Юсуповым. Весь вечер последний рассказывает, в крайне возбужденном тоне, про Распутина. Он считает его главным виновником того, что «все летит к черту».

Он убежден, что все еще можно спасти положение, если «убрать» Распутина. Акица, сидевшая рядом с Юсуповым, позволила себе усомниться, найдется ли такой герой. Я в несколько маскировочной форме высказал свою обычную точку зрения: надо лечить не симптомы болезни, а самый ее источник. Или все это для чего-то нужно? [Там же, с. 38]

*Протомотив:* Распутин – подлинное демоническое начало. Распутин – главный виновник катастрофы. Необходимо уничтожить Распутина.

*Мотив:* Ложный советчик Царя – виновник катастрофы.

### Семантическое поле «проживание угрозы»

Четверг, 2/15 марта

И сегодня к Нувелям снова явились солдаты в сопровождении какого-то мальчишки в штатском, все время размахивавшего револьвером. Эти «товарищи» требовали «выдать им оружие», однако удовольствовались дрянной студенческой шпажкой Валечки, сохранившейся, как реликвия давно минувшей юности. Бедная, почтенная матушка Нувелей Матильда Андреевна совсем разволновалась, мальчишка же прикрикнул на нее и обратился к сыновьям: «Уймите же свою старуху, не то мы ее заставим замолчать». Наконец, подходя уже к нашему дому, мы встречаем художников Гризелли и Натана Альтмана. Последний целыми днями торчит в Думе... От них и от других я слышал разные варианты о том, как при помощи частных лиц милиция «снимала» с чердаков и тут же убивала самосудом городских. <...> Другой рассказ, Казы Розы. На чердаке над квартирой ее подруги, пианистки Миклашевской, были слышны шаги и возня с чем-то тяжелым; Миклашевская дала о том знать милиционерам, те поднялись, и тотчас затем она увидела, как мимо ее окна летел вниз головой городской. Та же Каза Роза, идя с Яковлевым по Кировной, была свидетельницей, как броневик стал без предупреждения палить по верхним этажам и по крышам домов. Чуть не сделалась жертвой шальных пуль вся семья И. М. Степанова, случайно покинувшая угловую комнату своей квартиры, в окно которой как раз <в> этот момент ударил град пуль [Бенуа, 2006, с. 116–117].

*Протомотив:* Солдаты врываются в квартиры с требованием выдать оружие, и грозят насилием. Бывших городских расстреливают на месте без суда. Броневик расстреливает окна домов без всякой причины.

*Мотив:* немотивированное насилие новой власти.

Всего нами было выделено семь мотивов по тексту дневника Бенуа за 1916–1918 гг.:

1. Ложный советчик Царя – виновник катастрофы.
2. Убийство дурного советчика царя.
3. Немотивированное насилие новой власти.
4. На смену тирану-разрушителю может прийти разумный помощник.
5. Государство подчиняет личность и обобществляет частную собственность.
6. Разум против безумия: «русская мысль», но не «русское государство».
7. Роковая иллюзия замещает реальность.

На основе проделанного анализа можно сделать ряд обобщений. Дневник А. Бенуа позволяет выделить некоторые дискурсивно-поведенческие механизмы адаптации петроградских интеллектуалов к катастрофическим событиям 1917 г.

- Сформировался особый тип скрытного поведения, который характеризуется *невыраженностью* персонального отношения к событиям и явлениям революционной эпохи.
- Игнорирование революционных событий в поведенческих и дискурсивных практиках, «как будто ничего не случилось».
- Складывался механизм привыкания к экстраординарным явлениям и событиям, почти равнодушное отношение к ним, помогающее снимать чувство страха.
- Становится заметной театральность бытового поведения, проявляющаяся в ходульности, демонстративной театральности жестов и поступков.
- Явно усиливается смеховое поведение, работающее, вероятно, как защитный механизм, помогающий воспринимать неординарные и чудовищные события *остраненно*.

Предполагается, что в дальнейшем мотивы, выделенные из аутентичных эго-документальных нарративов кризисных исторических событий, позволят ввести в круг архетипических фольклорных и литературных мотивов и образов корпус исторических явлений.

#### Список литературы

- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1940.  
*Бревнова С. В.* О соотношении понятий «семантическое поле», «художественный концепт», «повествовательный мотив», «текстовая доминанта» // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 1(35). С. 82–83.  
*Бахтин М. М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. М.: Рус. словари, 2000.  
*Лотман Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.  
*Пропл В. Я.* Морфология сказки. Л., 1928.  
*Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004.  
*Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М., 1931.  
*Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

#### Список источников

- Бенуа А. Н.* Дневник 1916–1918 годов. М.: Захаров, 2006.

**Yu. L. Troitsky**

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation  
troitski@gmail.com*

#### **Narrative encounters of social and cultural threats in ego-documents (from motifs to semantic fields)**

The paper presents the narrative analysis of Alexander Benoit's private diary. Alexander Benoit was a prominent Russian painter and intellectual on the verge of the 20th century. The key problem under discussion is to reveal the narrative markers of social and cultural threats that Russia was facing in 1917. Unfolding against the continuing war, the two revolutions radically changed the everyday life and landscape of Petrograd's artistic intellectual community and unavoidably surfaced on the pages of private diaries, with Alexander Benoit's diary being an extraordinary one. It is a voluminous narrative created synchronously to the events mentioned above from the «involved outsiderness» standpoint (Mikhail Bakhtin's term).

We define three semantic fields: premonition of the threat, experiencing the threat and post-threat (reflection and lessons). A semantic field is defined by common mental, discursive and behavioral reactions of a social group to certain events. We observe a narrative structural component of the semantic field, a motif. Motifs are persistent verbal expressions (found in folklore and fiction narratives) that provide the basis for the plot (Yury Lotman called them «plot genes»). Motifs in documentary narratives have certain specific qualities, such as being frequently narrowed down to topics, as shown in prior research. Reducing the private diary narrative to motifs allows us to reveal the underlying mythological roots and thus introduce the immediate observer's reactions into the domain of mythemes and archetypes. For instance, the premonition of threat semantic field shows two frequent motifs linked to Grigory Rasputin: «Tsar's Sinister Advisor» and «Murder of the Sinister Advisor». However, it proved impossible to reduce a diary record to one of the motifs without introducing an intermediate element we call a protomotif. It condenses several diary records from different times into one brief narrative unit.

Our analysis of Alexander Benoit's diary reveals the basic adaptive devices of Petrograd's artistic intellectuals of the period in the context of the social commotions in 1917, e. g., amplification of histrionic gestures and reinforcement of irony and sarcasm.

*Keywords:* ego-document, motif, semantic field, social and cultural threat, adaptive devices.

DOI 10.17223/18137083/64/13

### References

- Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy: V 7 t. T. 2* [Collected works: in 7 vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. slovari, 2000.
- Brevnova S. V. O sootnoshenii pon'atiy "semanticheskoye pole", "khudozhestvennyy concept", "povestvovatel'nyy motiv", "tekstovaya dominanta" [On the relationship between the terms "semantic field", "narrative motif" and "text dominant"]. *Cultural Studies Russian South*. 2010, no. 1(35), pp. 82–83.
- Freidenberg O. M. *Poetika s'uzheta i zhanra* [The poetics of plot and genre]. Moscow, 1997.
- Lotman Yu. M. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysl'ash'ikh mirov* [Semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2000.
- Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of the folk tale]. Leningrad, 1925.
- Silant'ev I. V. *Poetika motiva* [Poetics of the motif]. Moscow, LRC Publ. House, 2004.
- Tomashevskiy B. V. *Teoriya literatury. Poetika* [The theory of literature. Poetics]. Moscow, 1931.
- Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, 1940.

### List of sources

- Benoit A. N. *Dnevnik 1916–1918 godov* [Diary of 1916–1918s]. Moscow, Zakharov, 2006.